

Дом актера — 1996 — № 1-2 — с. 7

ОЛЯ — ОЛЯ

Ольга Мухина — молодой драматург, родилась и живет в Москве. Недавно театр «Мастерская П.Фоменко» поставил ее пьесу «Таня-Таня» (она напечатана в пятом номере журнала «Драматург» за 1995 год).

Перед вами интервью, которое Ольга Мухина дала частично до, а частично после премьеры, состоявшейся 20 января.

Корреспондент. Оля, многие драматурги сейчас переходят на прозу. Что тебя держит в драматургии?

О.М. Пьесы очень люблю. Ничего другого писать не хочется. Никогда в жизни не писала стихов, очень давно — маленькие рассказы, но теперь не люблю их, а от пьес получаю удовольствие.

Корр. Я знаю, что ты поступала в Литинститут с «пьесой не для театра».

О.М. В приемной комиссии думали, куда же меня отправить — на прозу или на поэзию, но их все-таки смущало, что слева было написано, кто говорит, а справа — что. Ректор института Е.Сидоров, когда меня уже никуда не брали, сказал: «Записывайте ее на мой семинар критики. Мне это нравится». Я думаю, если бы в институте был художественно-оформительский факультет, меня бы туда, наверное, приняли, так как пьеса была еще и с картинками. В результате переговоров я все-таки попала на факультет драматургии Ю.Ф.Эдлеса и в знак глубокой благодарности написала красивую пьесу про деревню — без запятых на сто двадцать две страницы. Юлий Филиппович был в ужасе. Сказал, что это кривая дорожка в литературу.

Ну а я так и иду по ней до сих пор.

А с театром отношения стали завязываться уже гораздо позже. Министерство культуры проводило театральную Лабораторию на базе Пензенского драматического театра, и тамошние артисты представляли мою «нетеатральную» пьесу «Любовь Карловны». Я посмотрела спектакль, и мне так понравилось... Такие дни были счастливые, что по приезду в Москву я стала писать пьесу специально для «лаборантов», но, к сожалению, все они разъехались по городам и весям.

Корр. Твои пьесы очень необычны по

форме. Мужчины и женщины ходят по стенам и мебели, уменьшаются так, что их можно положить в спичечный коробок и выкинуть в окно. Ты не скрываешь пьесу ремарками. Подобная непривязанность к возможностям театра придает тексту особую легкость, неопределенность, зыбкость. Но отчего это: ты не любишь театральную материю, она тебе мешает? Кажется, по твоим

пьесам легче снимать кино, чем ставить спектакль.

О.М. Я себе прекрасно представляю, как должно выглядеть то, о чем я пишу. Но мне как-то неловко писать режиссеру, куда персонаж должен пойти и на что сесть. Режиссеры сейчас предпочитают работать с романом — можно поставить, как хочется, все в их руках, а с пьесой без указаний они почему-то теряются. Да стойте себе на голове, если хотите. Мне важно, каким голосом, с какой интонацией говорят мои герои. Звук важен, музыка. Мне интересны любые интерпретации моих пьес. Можете хоть текст менять; и если я слышу свое — согласна на это. И еще замечу: между театром и драматургом отношения строятся, как между мужчиной и женщиной.

Корр. Судя по твоим пьесам, у тебя богатое воображение.

О.М. Иногда я иду по улице и слышу разговор, которого, понимаю, не может быть. Как-то еду в автобусе и вдруг слышу за спиной женское: «Сыночек, а где же счастье?». Пронзительно так. Оборачиваюсь — ни одной женщины.

Корр. Конфликт твоих пьес — «любит

— не любит». А что же для тебя значит «современная пьеса»?

О.М. У каждого свои понятия о современности. И пьесы у всех разные. Как и понятия о жизни. Грустно только, когда человек старался, писал пьесу про Белый дом, а сейчас это никому не нужно.

Корр. Я слышала, что «Таню-Таню» ставят во Франции...

О.М. Да. Как-то она оказалась очень французской по настроению.

Корр. Твоя пьеса побывает в Париже раньше тебя.

О.М. Пьесам проще.

Корр. Предлагаешь ли ты свои пьесы театрам?

О.М. Официально — нет. Все происходит как-то само собой. Я верю: те, кому суждено встретиться, — обязательно встречаются.

Корр. А хотелось ли тебе когда-нибудь самой поставить пьесу?

О.М. Еще нет. Вокруг столько людей, которые могут это сделать гораздо лучше меня, да и потом мне интересно посмотреть, что же может из моей пьесы получиться. Ведь хороший спектакль — подарок драматургу. А зачем делать подарок самому себе?

Корр. Как складываются твои отношения с Мастерской П.Фоменко?

О.М. Мне очень нравится этот театр. Нравятся те люди, которые там работают. Им было, наверное, непросто решиться ставить такую пьесу, ведь сейчас в театре мало кто рискует. И я им очень благодарна. Хожу на все спектакли. У меня в первый раз такое!

Корр. Что пишешь сейчас?

О.М. Пишу пьесу о Москве. Каждую пьесу пишу как последнюю: «ну, здесь я уже все сказала». Все четыре мои пьесы о любви к человеку по фамилии Иванов. А сейчас я поняла, что любовь к Москве — это последнее, в чем я могу всем признаться. Всегда любила Москву. Хочу, чтобы моя любовь к Москве так раскрасила этот город и так свела с ума всех, кто здесь не был, чтобы весь мир закричал: «В Москву! В Москву!»

Беседа велла
Елена Ковальская